

Аксель Панцер

Двенадцать месяцев

Аксель Панцер

**Двенадцать месяцев. Август.
Бурый козлик и золотая сторона.**

«Автор»

2026

Панцер А.

Двенадцать месяцев. Август. Бурый козлик и золотая сторона. /
А. Панцер — «Автор», 2026

Август ничего не прятал. Наоборот. Он щедро отдавал всё, что накопило лето: ягоды, сено, тепло, длинные закаты, запах леса. Но вместе с каждым подарком словно говорил: «смотри внимательнее — скоро всё изменится.» И Егорка понял ещё одну вещь. Весной красота обещает. Летом радуется. А в августе учит беречь.

Содержание

Глава 8	5
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Аксель Панцер

Двенадцать месяцев. Август.

Бурый козлик и золотая сторона.

Глава 8

Август. Бурый козлик и золотая сторона.

Август пришёл незаметно. Ещё стояли жаркие дни, ещё гудели над цветами пчёлы, ещё можно было босиком перейти мелкий ручей, не чувствуя холода. А всё-таки лето сделалось другим. По утрам над низинами лежал белый туман. Роса стала тяжелее. Паутинки между кустами серебрились до самого восхода, а вечером солнце уходило за гору раньше, чем в июле.

Трава на покосах пожелтела. Там, где месяц назад она стояла Егорке по пояс, теперь лежали душистые стога. От них тянуло сухим клевером, полынью и нагретым сеном. На опушках поспела черника. Попадалась и брусника — ещё не вся красная, кое-где светлая, с белым бочком. Рябина начинала наливаться цветом.

Егорка утром вышел во двор, вдохнул и сказал: — Осенью пахнет. Прохорыч, сидевший на завалинке, усмехнулся:

— Рано ещё осень звать.

— А чем тогда пахнет?

— Августом. Он одной рукой лето держит, а другой уже осень пробует.

В тот день они отправились к дальним покосам. Прохорычу нужно было посмотреть стога, а Егорка взял маленькую корзинку. — Ягод наберу.

— Набирай. Только лесу половину оставляй.

— Кому?

— Кто зимой по нему ходить будет, тому и оставляй.

Егорка уже не спрашивал. После июльской Травяной западёнки он знал: в лесу хозяев больше, чем человеку кажется. Дорога шла между берёзами. Листва пока стояла густая, зелёная, но если посмотреть внимательно, кое-где уже попадался один жёлтый лист. Один. На целое дерево. Будто кто-то заранее положил маленькую осеннюю метку.

В лесу было тихо. Птицы пели меньше, чем в июне. Теперь слышались другие звуки: стрёкот кузнечиков в сухой траве, шелест листьев, стук шишки о землю. Где-то в кустах коротко крикнула птица. Прохорыч остановился. — Замечаешь?

— Что?

— Лес голос меняет.

Егорка прислушался. И правда. Весной лес весь звенел. В июне разговаривал сразу тысячу голосов. А теперь будто задумался.

Черника росла за сосновым увалом. Ягоды были крупные, тёмные, с сизым налётом. Егорка быстро наполнил полкорзинки. Потом увидел ещё лучше кустики и совсем забыл про Прохорыча. Ходит от одного к другому, собирает. Руки посинели. Губы тоже.

Вдруг слышит: — Много набрал?

Егорка поднял голову. Перед ним стояли два мальчишки. Один светловолосый. Другой темнее. Оба примерно его возраста. У каждого по маленькой корзинке ягод.

— Много, — ответил Егорка. — А вы кто? Мальчишки переглянулись.

— Ланко.

— Лейко.

У Егорки ягода из пальцев выпала. Имена были знакомые. Именно про этих двух Прохорыч когда-то рассказывал ему сказ о Голубой змейке. — Вы... те самые?

Ланко рассмеялся: — Какие такие те самые? Лейко толкнул его локтем. — Не приставай. Пойдём лучше на лужайку. Там отдохнём.

Егорка хотел позвать Прохорыча. Оглянулся. Старика не видно. Только между деревьев лежат полосы солнечного света. Пошёл за мальчишками.

Вышли на старую покосную лужайку. Сено здесь уже убрали. Трава снова поднялась, но невысоко, мягкой зелёной щёткой. По краям поляны росли цветы, а посередине стоял одинокий стог. Сели возле него. Ланко высыпал ягоды на ладонь.

— У меня крупнее.

— Зато у меня больше, — ответил Лейко.

Егорка засмеялся. — Вы и сейчас спорите?

Оба сразу замолчали. — Мы не спорим, — сказал Ланко. — Мы сравниваем, — добавил Лейко.

И тут над поляной прошла тень. Не облако. Не птица. По траве двигалось что-то голубое. Егорка сразу встал. — Смотрите!

Но мальчишки уже отвернулись. — Не будем.

— Почему?

Лейко серьёзно ответил: — Научены. По поляне шла женщина. Не ступала — будто плыла. Ни один цветок под ней не гнулся. Справа колыхалось золотистое облачко. Слева — тёмное. Егорка узнал. Голубая змейка снова появилась перед ним не маленькой змейкой, а женщиной. Она подошла ближе.

— Ну что, Егор, опять золота не хочешь?

— Не хочу.

— Совсем?

Егорка задумался. — Посмотреть можно.

Женщина улыбнулась: — Смотреть тебе, видно, нравится. Она провела рукой над травой. Справа от неё земля вспыхнула золотыми искрами. Слева будто посыпалась чёрная каменная пыль. Ланко и Лейко сидели отвернувшись. Егорка смотрел. Но теперь уже видел не только золото. У золотой стороны трава была сухая. Цветы там потемнели. А возле чёрной полосы земля казалась холодной и тяжёлой. Только посередине, где не было ни золота, ни чёрного следа, росла обыкновенная зелёная трава.

На ней сидела бабочка.

— Почему середина пустая? — спросил Егорка.

Голубая змейка покачала головой:

— Пустая?

Егорка присмотрелся. Трава. Цветы. Муравьи. Ягоды по краю поляны. Зелёный кузнечик.

— Нет, — сказал он. — Не пустая.

— Вот теперь правильно. И женщина стала таять.

Сначала исчезло золотое облачко. Потом чёрное. Последним остался голубоватый отблеск. Он скользнул по траве и пропал.

Егорка обернулся. Ланко и Лейко тоже исчезли. Стоят возле стога только три корзинки. Егоркина. И ещё две. Полные черники.

— Егор!

Голос Прохорыча раздался совсем рядом. Старик вышел из леса. — Ты чего тут один?

— Не один был.

— С кем?

Егорка рассказал. Прохорыч посмотрел на две корзинки. — А это чьи?

— Ланкины и Лейкины.

Старик долго молчал. Потом взял одну ягоду. Повертел. — Настоящая.

— А мальчишки?

— Видать, тоже настоящие были. Пока нужны были.

Егорка хотел взять обе корзинки. Прохорыч остановил: — Чужое куда?

— Но они же оставили.

— Тогда одну оставь здесь.

— Зачем?

— Может, ещё кто придёт.

Егорка поставил одну корзинку возле стога.

К вечеру пошли домой другой дорогой. Солнце уже стало низким. Лучи проходили сквозь сосны длинными медными полосами. На лесной тропе попадались сухие иглы, ягоды, первые опавшие листья. Вдруг впереди что-то зашуршало. Егорка остановился. На краю дороги стоял козлик. Невысокий. Ноги тонкие. Рожки ветвистые. Шерсть бурая, почти такая же, как сухая августовская трава. Егорка сперва даже не понял. Потом увидел правую переднюю ножку. На ней что-то блеснуло.

— Серебряное копытце!

Прохорыч тоже замер. Козлик стоял спокойно. Совсем не такой, каким Егорка видел его в январе. Тогда он был светлый на снегу, почти серебряный. Теперь его буренькая шерсть сливалась с землёй, корой и прошлогодней хвоей.

— Вот почему летом его не сразу заметишь, — прошептал Егорка.

Козлик наклонился и сорвал губами лист. Потом другой. Никаких самоцветов. Никакого сияния. Просто лесной зверь. Егорка даже немного разочаровался.

— А копытцем?

Прохорыч тихо сказал: — Что копытцем?

— Не бьёт.

— А обязан?

Егорка подумал. Серебряное копытце посмотрел прямо на него. Потом перескочил через поваленное дерево и пошёл по склону. Егорка с Прохорычем двинулись следом. Не догоняли. Просто смотрели. Козлик вышел на освещённую солнцем поляну. Там остановился. Поднял переднюю ногу. Егорка затаил дыхание. Цок. Всего один раз. Но из-под копытца не посыпались красные и зелёные камни. В траве вспыхнул один золотой огонёк. Егорка подбежал. На земле лежал маленький жёлтый лист. Первый. Козлика уже не было.

— Обманул? — спросил Прохорыч.

— Кто?

— Серебряное копытце. Камня не дал.

Егорка поднял лист. Он был совсем маленький, с зелёной полоской посередине.

— Нет.

— Почему?

— Показал, что лето кончается.

Прохорыч улыбнулся. — Умнеешь.

Через несколько дней август сделался ещё тише. По утрам туман лежал над прудом до самого солнца. Днём снова становилось жарко, но стоило зайти в тень — чувствовалась прохлада. Черника понемногу отходила. Начинала краснеть брусника. На рябинах наливались кисти. Сено свезли к домам. По вечерам возле стогов пахло так густо и сладко, что Егорке хотелось просто сидеть рядом.

Однажды он спросил: — Прохорыч, почему август такой странный?

— Какой?

— Всё есть. И тепло, и ягоды, и зелень. А будто чего-то уже жалко.

Старик долго думал.

— Потому что весной всё впереди. А в августе человек впервые замечает, что хорошее не навсегда.

Егорка посмотрел на лес. Вершины деревьев ещё были зелёными. Но кое-где среди них уже светлела первая желтизна.

Под конец месяца они ещё раз пошли к покосной лужайке. Корзинки возле стога не было.

— Забрали, — сказал Егорка.

— Значит, кому-то пригодилась.

На том месте, где проходила Голубая змейка, ничего особенного не осталось. Ни золота. Ни чёрного камня. Только трава. Егорка присел. Среди неё росла земляника. Совсем поздняя. Одна ягода. Красная. Он сорвал её. Разломил пополам. Половину съел. Половину положил на камень.

— Это кому? — спросил Прохорыч. Егорка пожал плечами: — Кто найдёт. Когда уходили, на камень выскочила маленькая зелёная ящерка. Егорка оглянулся. Ящерка понюхала землянику. А потом рядом с ней на мгновение показалась вторая. Голубоватая.

— Прохорыч! Но старик не повернулся. — Вижу.

— Откуда знаешь?

— В августе за спиной больше замечать начинаешь.

— Как это?

— Летом человек всё вперёд смотрит. А ближе к осени — оглядывается.

В последний августовский вечер над Уралом был особенно яркий закат. Небо над лесом горело золотом. Ниже лежала малиновая полоса. Ещё ниже горы уже стали синими. Егорка сидел возле дома. Перед ним лежал тот самый первый жёлтый лист, который Серебряное копытце выбило из травы.

— Оставишь? — спросил Прохорыч.

— До зимы.

— Зачем?

— Посмотрю потом, каким был август.

Старик усмехнулся:

— Лист высохнет.

— Всё равно.

В лесу становилось темно. Но Егорка теперь знал, что там ещё ходит буренький козлик с серебряным копытцем. Где-то собирают последние ягоды Ланко и Лейко. По старым покосам скользит Голубая змейка, оставляя человеку выбор между золотой и чёрной стороной. А среди камней греются последние летние ящерицы Хозяйки Медной горы.

Август ничего не прятал. Наоборот. Он щедро отдавал всё, что накопило лето: ягоды, сено, тепло, длинные закаты, запах леса. Но вместе с каждым подарком словно говорил: «смотри внимательнее — скоро всё изменится.»

И Егорка понял ещё одну вещь. Весной красота обещает. Летом радуется. А в августе учит беречь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.